

«Владимиру Хохлеву с самыми майскими пожеланиями» — такой авторский автограф на книге о Шекспире я получил от главного редактора журнала «Нева» Натальи Гранцевой 12 мая 2016 года в Президентской библиотеке, сразу после окончания телемоста Тюмень — Санкт-Петербург, во время которого был презентован юбилейный — 10-й по счету — возрожденный альманах «ДЕНЬ ПОЭЗИИ — XXI век».

Почему Шекспир?

Во-первых, потому что Наталья Гранцева уже много лет изучает творчество Великого Барда.

Во-вторых, потому что в апреле 2016 года исполнилось 400 лет с того дня, когда перестало биться сердце Уильяма Шекспира.

А в-третьих... Тут немного притормозим.

Потому что писательскому, читательскому и театральному миру, видимо, пришла пора уйти от некоторых стойких стереотипов восприятия великих творений великого гения.

В первой части книги — «Семь шедевров — семь загадок» — Гранцева показывает, как ей (по-новому) удалось прочитать пьесы: «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Король Лир», «Гамлет», «Макбет», «Зимняя сказка» и «Буря».

Во второй части — «Московиты в Британии» — детально рассказывается о четком «русском следе» (который до Гранцевой был виден не так четко) в пьесах Шекспира: «Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь» и «Цимбелин».

Воспроизводить здесь все открытия автора я не буду. Рекомендую просто найти книжку и прочитать её. Но на одном — на эссе о «Гамлете» — остановлюсь подробно.

Вначале предоставляю слово автору — Наталье Гранцевой.

«Трагедия У. Шекспира «Гамлет» — признанная вершина мировой драматургии. Любой грамотный человек хорошо знает ее фабулу. В то же время этот безусловный шедевр обладает рядом свойств, делающих его самым таинственным и непонятым для читателя драматическим произведением».

«Конечно, король Клавдий был убит справедливо. Но почему на пути к этому «подвигу» наследник датского престола походя заколол царедворца Полония, довел до суицида нимфу Офелию, собственноручно подделал документ, обрекающий на гибель школьных друзей Гильденстерна и Розенкранца, своей рукой заколол Лаэрта и стал невольной причиной гибели матери?

На пути мщения Гамлет оставил семь трупов. Сам стал восьмым».

«Невозмутимость и хладнокровие датского принца достигают апогея в финале и сражают читателя наповал. Герой не забывает своих прав на датский престол! И как только король Клавдий испускает дух, Гамлет понимает, что он, как наследник, формально становится королем Дании. И как бездетный король Дании может передать корону кому захочет. И кому ж он передает ее? — молодому Фортинбрасу, наследнику врага, когда-то разбитого отцом! То есть практически предает дело отца!»

«Почему ж принц Гамлет, едва став на мгновение королем, отдает свои владения врагу?

На этот риторический вопрос дал остроумный ответ гуру современного детектива Борис Акунин... (Акунин Б. Г. Гамлет // Новый мир. 2005. № 6.) Следуя главному принципу криминалистов: «Ищи, кому выгодно», — Акунин пришел к выводу, что Гамлет был орудием в руках заговорщиков,

стремящихся к ликвидации датской династии. А проводил эту спецоперацию лучший друг принца — агент норвежцев Горацио!»

«Поскольку “Дания — Тюрьма”, как говорил сам Гамлет, то здесь будет уместно использовать и тюремный жаргон: Гамлет решил стать “подсадной уткой”, а эта малопочтенная функция до сих пор не считается “героической”». «Подсадные утки, или “наседки”», как их называют обитатели узилищ, ведут жизнь, полную риска: добывая необходимую следствию информацию и подводя под монастырь сокамерников, они нередко сами становятся жертвами своей “героической” деятельности. Разоблаченных «наседок» зеки убивают. Так произошло и с Гамлетом, оказавшимся в “Дании — Тюрьме”».

«Возмущенный читатель скажет, что такая интерпретация невозможна? Но почему?»

«Разве эта интерпретация не объясняет лучше, чем традиционная, почти невидимые и сомнительные действия Горацио?»

«“Неутоленность” читателя трагедией, закрывающего последнюю страницу, так велика, что вызывает желание снова открыть первую страницу «Гамлета»! Трагедию хочется перечитать! Избавиться от ощущения, что что-то важное при первом чтении не было замечено».

«Итак, первая сцена первого акта.

Первое, что мы узнаем из нее, что стражники (часовые) находятся в полночный час за стенами замка... Нас это несколько не удивляет, хотя стражники (часовые) должны быть на стенах замка. Почему же ЧАСОВЫЕ ЗА СТЕНАМИ?»

«Пойдем дальше.

Часовые, Бернардо и Франциско, стоят в полной темноте. Придя сместить на посту Франциско, Бернардо спрашивает: «Кто здесь?» Уже первая фраза, произнесенная Бернардо, вызывает вопросы. Если королевская стража по часам заступала на пост, Бернардо должен был знать, кого он сменит. А он, похоже, не знает. Как это может быть, если караульная служба должна вестись особо надежными и знающими друг друга людьми?»

«Мы еще находимся на первой странице трагедии, а у нас уже возникло много вопросов. Добавим, что один часовой (Бернардо) вовсе не интересуется, были ли какие-либо происшествия во время дежурства, а другой (Франциско) не считает нужным доложить, были ли таковые. Это выглядит особенно странно, если учесть, что в стране введено военное положение, как вскоре сообщит еще один «часовой» Марцелл. Единственное, что спрашивает Бернардо: «Все спокойно?» На что Франциско отвечает: «И мышшь не юркнула». (Так в переводе С. Степанова — далее СС).

Мы, уже прочитавшие трагедию «Гамлет», где в роли Мыши, на которую ставят «Мышеловку», изображен король Клавдий, могли бы обратить внимание на появление на первой же странице пьесы этого грызу-

на, этой отчетливой «мышь» (mousettiring). Но мы воспринимаем эту идиому, устойчивое выражение в русском языке, как метафору спокойствия. Но действительно ли часовые говорят о тишине?

Стоит представить эту «мышь» как образ короля Клавдия, как сцена приобретает совершенно неожиданный вид!

Некие люди втайне от «грызуна» Клавдия (за стенами его замка) собрались во тьме ночной, чтобы увидеть Призрака. И строго говоря, фраза «Да здравствует Король» может показывать, что эти двое Королем Клавдия не считают, а продолжают считать истинным Королем Дании погибшего короля Гамлета, которому они и служат даже тогда, когда он стал Призраком. Они за пределами замка уже два раза встретились с духом покойного властителя Дании, теперь они ожидают прихода еще двух «часовых», идущих в глухом мраке мистических откровений — философа Горацио и офицера Марцелла».

«...если мы видим часовых, то их должен был поставить на пост королевский офицер, возглавляющий караульную службу и оберегающий покой действующего короля, то есть Клавдия, а никак не покойника, скончавшегося два месяца назад.

То есть офицер Марцелл и должен был расставлять посты в замке, если он руководил датской службой безопасности. Почему же он установил пост за пределами замка? И вообще, он ли установил этот пост?»

В одной из последних строк сцены мы находим фразу, объясняющую всё: «Наш пост пора снимать» (Так — СС).

Как видим, пост «за пределами замка» ставил Горацио. Он и отдает команду его снять».

«К этому следует добавить, что зловещий Призрак «недаром проверяет караулы» (так в переводе Б. Пастернака — далее БП), то есть Горацио поставил пост по указанию Призрака и на этом посту в безлунную ночь мерзнут Франциско и Бернардо!».

«...когда все трое (без Франциско) пробрались в замок (вторая сцена), для того чтобы пригласить Гамлета на встречу с Призраком, принц вполне ясно дал им понять, что чрезвычайно удивлен их появлению! Из текста следует, что из Виттенберга прибыли все трое: Горацио, Бернардо и Марцелл! Причем не на коронацию, которая уже прошла! То есть все трое — не принадлежат службе безопасности Клавдия!

Тогда становится ясно, почему все трое «темнят» при ночном разговоре за пределами замка — соблюдают конспирацию! Дабы случайное ухо не распознало истинный смысл деятельности виттенбергских «засланных казачков».

«...все, показанное в первой сцене, сильно смахивает на стандартный сценарий встречи агента с особо ценным осведомителем. Если судить по множеству произведений детективного жанра. Назначается место и час встречи. Агент является на пост и ждет. Но ценный осведомитель проходит мимо и проверяет: нет ли «хвоста», нет ли нежелательных сви-

детелей, не перекрыты ли пути отхода? Не раз проверив безопасность условий встречи, осведомитель может избегать прямого контакта до тех пор, пока не увидит агента, внушающего доверие.

Так собственно и произошло в истории с Призраком короля Гамлета. В определенный час и в определенном месте Призрак вступил в прямой контакт с Гамлетом. И только после того, как он увидел в условленном месте Горацио. То есть само явление Горацио стало гарантией безопасности предстоящей исповеди Призрака».

Я привел так много цитат «из Гранцевой», выстроенных в цепочку неожиданных заключений и приводящих к неожиданной версии событий, чтобы добавить в неё — эту цепочку — новых звеньев.

Если, по версии Акунина-Гранцевой, «Гамлет» — история не о трагической судьбе датского принца (это лишь первый план), в которой Гамлет главное действующее лицо, а история о спецоперации норвежских спецслужб по ликвидации королевской власти и захвату территории Дании, которую задумал и провел Горацио — действительный главный герой пьесы, то встает вопрос: возможно ли в деле, осуществляемом людьми и по замыслу людей, участие каких-то потусторонних сил? Был ли Призрак (так у БП, в переводе А. Кронеберга — далее АК, это действующее лицо пьесы названо Тенью) — привидение, дух, не человек — помощником Горацио? Могло ли привидение четко исполнять команды руководителя спецоперации? Подчиняться человеку? Такой расклад вызывает сомнения?

Может быть, Призрак — это всего лишь талантливая человеческая, театральная инсценировка? Уильям Шекспир был актером театра «Глобус», умел воплощаться в кого угодно, в том числе и в привидения. К возможностям актера относился с огромным уважением, даже преклонялся перед артистическим талантом, о чем, к примеру, свидетельствуют такие строчки из «Гамлета» (здесь и далее — по БП):

*Не страшно ль, что актер проезжий этот
В фантазии, для сочиненных чувств,
Так подчинил мечте свое сознание,
Что сходит кровь со щек его, глаза
Туманят слезы, замирает голос
И облик каждой складкой говорит,
Чем он живет!*

Если даже «сходит кровь», то и сыграть, изобразить Призрака — духа умершего датского короля — актеру не составит труда. Для чего? Чтобы в максимальной степени воздействовать на сознание впечатлительного сына датского короля. Чтобы разжечь в нем жажду мести внушить цель и заставить действовать (в рамках общего плана спецоперации). Что, собственно, в пьесе и происходит — после встречи с Призраком Гамлет оказывается в полном его подчинении, говорит:

*Я с памятной доски сотру все знаки
Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,
И лишь твоим единственным веленьем
Весь том, всю книгу мозга испишу...*

Значит, Горацио — мнимый друг Гамлета — все рассчитал точно. Но жажды мести в «друге» было бы не разжечь, не случись убийства отца — короля Гамлета братом Клавдием?

В «Гамлете» Уильям Шекспир показал финальные (завершающие) события секретной спецоперации. Без начальных (начинающих) событий эта версия будет не полной. Попробуем реконструировать одно из них — сцену убийства короля.

За первым принципом криминалистов: «Ищи, кому выгодно», следует не менее важный — второй: «Ищи свидетелей». Как известно, преступления без свидетелей (или хотя бы одного) не бывает.

Чтобы «все закрутилось» — Горацио (лично или с помощью умелого агента) нужно было: утвердить в голове Клавдия идею убийства брата, обеспечить преступника орудием (средством) убийства, определить дату и место преступления и назначить свидетеля злодейства. Не будем фантазировать о том, как именно это было сделано, для нас главное — что это было сделано. Клавдий возжаждал короны и готов был идти на всё (даже на собственноручное исполнение преступления), яд для умерщвления был подобран, послеобеденное (сонное) время и место в тихом саду определены, точка наблюдения для (хотя бы одного) свидетеля найдена.

По Горацио, убить Короля (отца) должен именно его брат. Иначе в Принце (сыне) не возбудить должного (для осуществления задуманного) чувства.

Итак — Король убит, свидетель видел, как это произошло. Призрак (со слов ли свидетеля, или в качестве свидетеля) в деталях рассказывает Гамлету о событии.

*Меня змея ужалила. Датчане
Бесстыдной ложью введены в обман.
Когда я спал в саду
В свое послеобеденное время,
В мой уголок прокрался дядя твой
С проклятым соком белены во фляге...*

Зададимся вопросом: может ли спящий человек увидеть, как к нему подкрадывается другой человек? Нет, конечно! А вот внимательный свидетель (со стороны) способен увидеть, запомнить и передать информацию по команде. Эта информация и нужна актеру, играющему Призрака.

Когда (по плану Горацио) должен быть разыгран маскарад? Только после женитьбы убийцы на Гертруде и коронации Клавдия. Поэтому два месяца ожидания.

Они прошли, и операция подходит к завершающей стадии.

Вернемся в пьесу и посмотрим, как мнимый Призрак появляется на людях и как Горацио «подводит» к нему Гамлета.

Первый вопрос Горацио к Призраку:

*Кто ты, без права в этот час ночной
Принявший вид, каким блистал, бывало,
Похороненный Дании монарх?*

Почему «без права»? Потому что актер, играющий привидение, не королевских кровей. Горацио в курсе этого, но разыгрывает допрос Призрака перед кем-то из своих (видимо, не вполне осведомленных) спутников. Почему «принявший», а не «имеющий» вид? Духу короля нет надобности принимать вид короля — этот вид у него и так есть. Потому что актер действительно лишь принял вид, чтобы все (и в первую очередь Гамлет) поверили в достоверность явления. И Марцелл, кажется, верит:

М а р ц е л л

А с королем как схож!

Г о р а ц и о

*Как ты с собой.
И в тех же латах, как в бою с норвежцем,
И так же хмур, как в незабвенный день,
Когда при ссоре с выборными Польши
Он из саней их вывалил на лед.*

На роль Призрака Горацио подобрал хорошего актера, сумевшего воплотиться в короля абсолютно. Для пущей убедительности обязал артиста облачиться в королевские латы и надеть шлем с поднятым забралом — тень от забрала (в лунную или звездную ночь) хорошо скрывает лицо. Это на всякий случай.

Марцелл, видимо не вполне уверенный, что перед ним действительно Призрак, а не человек, переодетый в Призрака, после крика петуха и сомнительной команды Горацио: «Держи его!» вопрошает: «Ударить алебардой?» (в переводе М. Лозинского — далее МЛ: «Ударить протазаном?»). Как ударить привидение? Нематериальный объект? Человека — можно. На что Горацио отвечает: «Бей, если увернется». Как это — бей? Духа короля? Актера — можно. Горацио либо случайно проговаривается,

либо иронизирует, либо провоцирует реплику «прозревающего» Марцелла, еще не вполне поверившего в Призрак:

*Ушел!
Мы раздражаем царственную тень
Открытым проявлением насилия.
Ведь призрак, словно пар, неуязвим,
И с ним бороться глупо и бесцельно.*

Как уходит Призрак?

*Он стал тускнеть при пенье петуха. (БП)
Он стал незрим при петушином крике. (МЛ)
Онъ вдругъ исчезъ при крикъ пѣтуха. (АК).*

Утверждения «стал тускнеть», «стал незрим» (то есть невидим) «вдруг исчез» (особенно «вдруг исчез») говорят о том, что актер, игравший Призрака, так мастерски ушел в тень (от башни Эльсинора, дерева или еще чего-то) и «растворился» в ней, что у некоторых зрителей возникло ощущение, будто Призрак потускнел и растворился в воздухе. Точный перевод этой строки покажет, как именно Призрак ушел.

Как же реагирует Гамлет на рассказ Горацио и Ко о явлении?

*Отцовский призрак в латах! Быть беде!
Обман какой-то...*

Гамлет сразу называет рассказ обманом (как известно, первая реакция — самая верная)! Но все же выходит в ночь на встречу с Призраком. В нужный момент — Горацио рядом. Сначала указывает Гамлету на явление: «Смотрите, принц, вот он!» А затем — что невероятно для человека — разъясняет «другу» действия Призрака — привидения:

*Он подал знак, чтоб вы с ним удалились,
Как будто хочет что-то сообщить
Вам одному.*

«Удалились», «сообщить», «одному» — это слова внушения, которые произносит человек, добивающийся определенной цели. А именно — в мистической атмосфере ночи, от сверхъестественного существа, терзаемый сомнениями, возмущенный быстрой свадьбой матери и дяди сын должен узнать правду (свидетельские показания) о смерти отца. И получить команду к мщению.

Невооруженным глазом видно, что Горацио «работает» по утвержденному сценарию, «ведет» Гамлета. Как, собственно, и в других ключевых сценах истории.

Призрак рассказывает Гамлету о преступлении. Но в его рассказе есть штрих (видимо, Шекспир посчитал необходимым дать пронизательно-му читателю ключ к дешифровке образа), который позволяет усомниться в призрачности Призрака. Рассказ ведется (начинается и завершается) от первого лица:

*Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный... (так — вначале)*

*Так был рукою брата я во сне
Лишен короны, жизни, королевы (так — в конце).*

Но в середине:

Отмсти за подлое его убийство («его» — то есть отца).

Почему не: «Отмсти за подлое мое убийство»? Почему отец об отце (о себе) говорит от третьего лица? Актер, играющий Призрака, случайно проговаривается? А затем исправляется? Возможно.

Как возможна и очередная неточность перевода.

Как бы там ни было, цель Горацио достигнута — Гамлет потрясен до глубины души. Не заметил шероховатостей игры.

Вот каким его (после встречи с привидением) видит Офелия:

*Я шила. Входит Гамлет,
Без шляпы, безрукавка пополам,
Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок,
Трясется так, что слышно, как стучит
Коленка о коленку, так растерян,
Как будто был в аду и прибежал
Порассказать об ужасах геенны.*

А чуть позже Гамлет быт таким:

*Разжал ладонь, освободил мне руку
И прочь пошел, смотря через плечо.
Он шел, не глядя пред собой, и вышел,
Назад оглядываясь, через дверь,
Глаза все время на меня уставив.*

Можно попасть в дверной проем (не в косяк или даже — в стену) не видя, куда идешь? Можно. Как сейчас бы сказали, находясь в состоянии аффекта. Один из признаков этого состояния — двигательные

автоматизмы (стереотипии). Когда тело человека без команды сознания действует так, как действовало уже не раз. На автомате. Ориентируясь в пространстве не с помощью зрения. Глаза в подобном состоянии могут видеть не то, что перед глазами.

Гамлет эту возможность демонстрирует еще раз в сцене с королевой, после спектакля приездной труппы.

Но сначала о спектакле. Зачем он потребовался Гамлету? И Шекспиру?

Гамлету, чтобы реализовать третий основополагающий принцип криминалистики: «Ищи подтверждений». Проверить (подтвердить или опровергнуть) информацию, полученную от Призрака. Что-то не позволяет принцу поверить сказанному «на слово». Может быть, та «осечка», которую мы тоже заметили.

Оставшись наедине с собой, Гамлет говорит сам себе:

*Но может статься,
Тот дух был дьявол. Дьявол мог принять
Любимый образ. Может быть, лукавый
Расчел, как я устал и удручен,
И пользуется этим мне на гибель.*

В другом месте, инструктируя Горацио перед спектаклем, Гамлет говорит так:

*...либо этот призрак
Был демон зла, а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана.*

Спектакль, по сути — реализация четвертого (по нашему счету) принципа криминалистики: «Ищи саморазоблачения». Спектакль — это провокация (в нашей истории удачная) главного подозреваемого на действие, подтверждающая его преступление.

Это для Гамлета. Шекспиру спектакль нужен для того, чтобы еще раз напомнить проницательному читателю (зрителю) о принципе: «Не верь глазам своим». Подтолкнуть к поиску скрытых смыслов пьесы, к разгадыванию авторской загадки. Ведь жизнь — игра, и люди в ней — актеры. А жизнь на сцене — игра вдвойне, втройне...

Вернемся к Призраку. В очередной (последний) раз он является Гамлету после спектакля, к спальне матери-королевы. Зачем является? Чтобы приструнить рьяного обличителя и в какой-то мере защитить свою бывшую, любимую жену от обличений.

Но что интересно? Если во время первых явлений — Призрака видели все участники событий: Бернардо, Марцелл, Горацио, Гамлет, то в покоях королевы его видит только принц.

К о р о л е в а

С кем говоришь ты?

Г а м л е т

Как, вам не видать?

К о р о л е в а

Нет. Ничего. Лишь то, что пред глазами.

Г а м л е т

И не слышать?

К о р о л е в а

Лишь наши голоса.

Г а м л е т

*Да вот же он! Туда, туда взгляните:
Отец мой, совершенно как живой!
Вы видите, скользит и в дверь уходит.*

К о р о л е в а

*Все это плод твоей больной души.
По части духов белая горячка
Большой искусник.*

Что же произошло? Изменилась природа Призрака? Почему Гертруде его не увидеть? Потому что его нет в спальне. Потому, что Горацио не смог организовать проникновение переодетого в Призрак актера в покои королевы. Ведь в этом случае его нужно было бы не только привести, но и незаметно вывести из замка — риск разоблачения очень велик. Это не прогулка под стенами, в ночной темноте.

Но тогда встает вопрос: кто же говорил с Гамлетом? Кому принц отвечал?

Ответ — Призраку! Но не реальному (актеру в образе), а воображаемому (образу в уме). Условия театра, принципы шекспировской драматургии позволяли одним именем называть разных персонажей. Но назвав именем «Призрак» двух героев пьесы, Великий Бард и здесь встал

на сторону зрителя (читателя). Перед явлением «второго» Призрака вложил в уста королевы подсказку. Вот эту:

*Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу...*

Уильям Шекспир предварил явление «второго» Призрака пояснением, что явится он не во внешний мир (видимый всеми), а внутри «наэлектризованного» событиями, возбужденного, гиперчувствительного Гамлета (и будет видим и слышим только им). По терминологии Натальи Гранцевой, здесь мы наблюдаем не действие, а «образ действия». Не героя — лишь образ героя!

Нам остается ответить на вопрос Гранцевой: «Почему ж принц Гамлет, едва став на мгновение королем, отдает свои владения врагу?» Почему перед смертью Гамлет «практически предает дело отца», отдавая свой голос Фантибрасу?

Ответ в словах Призрака. Ведь он, наставляя Гамлета на месть, говорит вполне определенно:

*Не дай постели датских королей
Служить кровосмешенью и распутству!*

В какой момент происходит передача власти? Когда мертвы датский король и датская королева, когда при смерти единственный, бездетный наследник датского трона... Когда в «постель датских королей» на законных основаниях просто некому лечь.

А её незаконное использование (какими-нибудь безродными датчанами) будет распутством.

В этой ситуации Норвежский принц, человек королевских кровей — единственное лицо, удовлетворяющее наказу Призрака.

К такому финалу спецоперации и шел планомерно и неустрашимо боец невидимого фронта, специальный агент специальных служб Норвегии — Горацио. Воздадим ему должное.

К такой неожиданной версии (итогу майских впечатлений и размышлений), отрицающей всякую мистическую составляющую мирового шедевра Уильяма Шекспира и утверждающей, что по замыслу автора таинственный Призрак — это всего лишь актер в маске, мы бы не пришли, не окажись в нашем распоряжении вдохновенных предположений Бориса Акунина и Натальи Гранцевой.

Им — наша благодарность!